

Леонид ПОДОЛЬСКИЙ родился в 1947 году. Кандидат медицинских наук. Автор книг «Потоп» (1991) и «Эксперимент» (2012). Готовит к изданию эпические романы «Распад», «Инвестком» и «Идентичность» (частично публиковались в виде отрывков). Печатался в журналах «Огонек», «Москва», «Дети Ра», «Зинзивер», «Российский колокол», «Кольцо А», «Зарубежные записки», «Новый ренессанс», в «Литературной газете», в «Независимой газете», в альманахах «Московский Парнас», «Золотое руно», «Муза» и ряде других альманахов и сборников. Лауреат премий «Лучшая книга года» и «Герой нашего времени» за книгу «Эксперимент» (2012). Главный редактор альманаха «Золотое руно».

ДУРМАШИНА

Страшный сон повторялся. Машина, огромная, бесформенная, и не машина даже, но вместилище непонятных механизмов, колес, шестеренок, зубчатых передач — и все это крутилось, скрипело, постоянно ломалось, наезжало на него, так что Михаилу Александровичу *трудно* становилось дышать; э т о похоже было на вечный двигатель, каким Миша представлял его в детстве, но это не был вечный двигатель, скорее *о н о*, это чудище, напоминало гигантского паука с огромными шатунами-клещами вместо ног и рук и очень маленькой, лысой, почти невидимой головкой.

Едва Поздеев просыпался или открывал глаза, чувствуя, как гулко, с перебоями, бьется сердце, сон постепенно уходил, медленно рассеивался, как бывает, рассеивается мираж. Тогда он долго приходил в себя, лежал, думал, вспоминал. Эта дикая история надолго выбила его из колеи.

«Глупость несусветная, — думал он в который раз. — Такая несусветная, что и вообразить нельзя. Глупость и произвол... Рука об руку идут...»

Мысль эта долго преследовала Поздеева, долго он изумлялся после того, как история эта или, скорее, морок, не то, чтобы закончилась совсем, но... «Дело» потерялось в какой-то канцелярии...

А может, они ждут пока он оступится... Или...

...В тот день Поздеев рано лег спать. Было часов одиннадцать вечера, когда раздался звонок в дверь. Настойчивый, долгий, тревожный, так что сразу что-то екнуло у Поздеева в груди. Он словно почувствовал, что вот, все, что впредь жизнь у него надолго начнется другая. Что спокойная жизнь, едва начавшись — всего года два-три, — закончилась.

В одних трусах, босиком, не зажигая свет, бочком, осторожно — в бандитские девяностые он так привык: могли выстрелить через дверь, — он прокрался к глазку. Перед дверью стоял молодой человек кавказского вида, горбоносый, с усами и бородой.

«Ваххабит», — испугался Михаил Александрович.

Приглядевшись, однако, Поздеев различил, что кавказец был в форменном пиджаке, в галстучке и с портфелем.

— Откройте, вам повестка, — молодой человек, видно, уловил почти неслышимые звуки дыхания по эту сторону двери. А может, просто кричал наугад.

— Что еще за повестка? — не выдержал Михаил Александрович. — Ночь на дворе.

— Ночь, день, а служба идет. Закон, — нахально, показалось Поздееву, прокричал из-за двери кавказец. — Михаил Александрович Поздеев? Директор ООО «Стройсервис»? Долго же вы прятались. Даже квартиру поменяли. Только от нас не спрячешься! Ни-ни! Мы везде достанем.

— От кого это «от нас»? — с замиранием сердца через дверь спросил Михаил Александрович.

— Служба судебных приставов. Судебный исполнитель Шамиль Багаев. Именем закона.

— «Басаев», — послышалось Поздееву.

— И часто вы по ночам ходите, Шамиль Басаев? Нет здесь никакого «Стройсервиса». И я не директор и никогда не был. Я обыкновенный пенсионер.

— Не Басаев, а Багаев, — донеслось из-за двери. — Да вы не бойтесь, откройте. Вам повестка. В случае отказа за границу перекроем. И уголовное дело.

— Да от кого мне бегать? Зачем? — изумился Михаил Александрович. Дверь пришлось открыть и расписаться, что он, Михаил Александрович Поздеев, обязуется прибыть к приставу на прием и что он предупрежден об уголовной ответственности в случае преднамеренного уклонения.

Началось все лет за десять до того со звонка знакомого юриста Шепелева, директора конторы, прощельги и хитреца, к которому Поздееву прежде приходилось обращаться не раз и с которым они были не то чтобы близко

знакомы, но поддерживали несколько лет деловые, хотя и не слишком тесные отношения. Весовые-то категории были у них разные. Но, однако, можно сказать, делали общее дело. Годы были еще девяностые, дефолтные, кризис неплатежей. Вот они и банкротили. Ну, Михаил Александрович — мелюзга, его и звали-то «Миша», без отчества, а то, бывало, «Мишуня», хоть его это коробило, через него шла продажа неликвидов, иногда только деньги прокачивали, он и не знал точно, сколько, за что, куда, зачем... В общем, бывший инженер без работы, запутавшийся, что с него взять...

Шепелев же был зверь покрупнее. Говорили, рейдер. Законы выучил, наизнанку выворачивал. Хотя, банкротил ли сам, рейдерствовал, или только на подхвате при настоящих акулах, этого Поздеев не знал. Правда, говорили, какую-то фабрику швейную приватизировал, и даже не одну. Кинул каких-то бельгийцев. Но все больше действовал как юрист. Прокурор бывший. Со связями. Иные сами ему приносили... Платили за покровительство... В общем, тип довольно неприятный, с гонором, всегда с охраной ходил, боялся, знать, что-то серьезное за ним было, хотя в те времена и так могли грохнуть... С бандитами водился... Но, главное, глаза. Нехорошие глаза. Холодные, злые, беспредельные. Когда Поздеев встречался с ним взглядом, всегда становилось нехорошо. Слово буравил насквозь. Мутный такой взгляд, мизантропический... Хотя не он один... Много всплыло в то время мутноглазых... Они и сейчас...

Словом, побаивался его Михаил Александрович. Но, с другой стороны, зависел. Семью кормить было нужно. Хоть крошки со стола. Да и догадки все это были, слухи, разговоры...

Ну вот Шепелев как раз и позвонил тогда, и Михаил Александрович очень даже обрадовался. Глухо на бобах сидел, лапу сосал, а тут перспективное дельце...

— Вот что, Миша, — говорил Шепелев, который со всеми умел быть на «ты», — есть одна фирма бесхозная. Деньги прямо на полу валяются. Бери — не хочу. Всего-то и делов: переоформить на себя. Только, чур, прибыль пополам.

— А как насчет бесплатного сыра? — пискнул было Михаил Александрович.

— Да какой там сыр? Не говори глупости, Мишуня. Все проще пареной репы. Клиент погиб спьяну, автокатастрофа, жиган был. Областное правительство задолжало ему кругленькую сумму. Семьдесят два миллиона. Не хухры-мухры. Детей не было, жены. Блядовал...

В общем, нужно получить с них деньги. Там, правда, есть кое-какие завакыки. Но, сам знаешь, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Для тебя-то лично риск нулевой. Разве что повозиться немного...

Шепелев хитрил, конечно. Он наверняка знал все, хотя... Все могло быть. Акт выполненных работ реально существовал и там, правда, семьдесят два миллиона, и все печати, и подписи, всё как положено, только — не было этих работ. А если и были, то по мелочи. Матющенко покойный свой человек был у них, миллионы шли под распилом. Не один год работала эта схема. А едва погиб, едва из крематория вышли, помянуть не успели, урну в землю не закопали, собрали комиссию и сумму уменьшили ровно в десять раз. Незаконно, права не имели без него, но кто же с н и х спросит? Они — номенклатура, элита по-нынешнему. Да, кто спросит? Поздеев? Шепелев бы мог, наверное, юрист, грамотный, при хороших связях. Благотарь. Но он в сговоре с ними был. Не стал против чиновников. Сделал вид, что не знает ничего. И Матющенко-младший тоже в сговоре. Он и сам работал в Институте. Видно, распилом решили через другой канал. Вот и захотел избавиться от фирмы.

Шепелев и Острового развел. Они давно были знакомы. Какие-то сомнительные делишки делали вместе. С подачи Шепелева Островой и влез в авантюру. Вернее, влип. Тоже ведь не бедный человек. Дача огромная, как раз напротив неначатой стройки. Хвастался: получил гарантию от директора Института. Ну и — с гарантией остался, да без денег. Для кого большой человек, предприниматель, а для кого — мелочь. Не потянул против государственного директора. Ранжир не тот.

Словом, польстился Островой на дешевую квартиру, а зачем она ему, на продажу, что ли? Как на сыр в мышеловке польстился. В друзьях с Шепелевым состоял, темные какие-то дела, а тут между ними черная кошка пробежала. Сразу после суда, когда, наконец, Островой понял. Не быстро разобрался тугодум. Но понял все-таки, что обкрутил его Шепелев вокруг пальца. Что называется, кинул.

Хитрун Шепелев, подлый человек, у него нахальство — второе счастье: умудрился представлять сразу две стороны. Подсунул дольщикам, то есть Островому с Лапшиным, — остальные-то только раздумывали, примерялись, — адвоката своего. Или, наоборот, их адвоката купил. Но это позже, только после суда догадался Поздеев — адвокат, что защищал Острового и Лапшина, обнаружился у Шепелева в конторе. А может, и раньше сидел, этого

Поздеев не знал, и узнать не у кого было. Вот он и играл в поддавки на суде, мямлил. Видно, хорошо им всем заплатил Матющенко-младший.

Михаил Александрович не полный дурак, конечно. Не с бухты-баракты, просчитал вариант. Хотя про Матющенко до поры ничего не знал. Но с адвокатом советовался. Не с Шепелевым, с другим. Выходило, что он ничем не рисковал, ни при каком раскладе, а при случае мог хорошо заработать. Главное, как физическое лицо, он не отвечал по долгам фирмы. Да и не знал вначале про долги. Намеки какие-то были, но — темнил Шепелев, водил за нос, сукин сын. Вот потому и согласился стать номинальным владельцем. Одно смущало: отчего Шепелев запросил всего лишь половину? Но копаться не стал. А как только согласился, так тут же и начались странности. Стал разматываться клубок...

Выяснилось, что фирма полгода уже с лишним принадлежит не Матющенко, покойнику. Погиб тот в октябре, а фирму продал, оказывается, в августе, вместе со всеми долгами. Так что Матющенко-младший никакой не наследник фирмы. Да и не знал Поздеев до времени ничего про Матющенко. Вообще, мало чего знал. Шепелев все больше бил на веру. Только позже Михаил Александрович увидел Матющенко: хитрющий мужик. Глазки бегают, разговаривает уклончиво, соврет — не моргнет. Тот еще тип.

Впрочем, комбинацию с переоформлением фирмы скорее не Матющенко, а Шепелев придумал, да и шито все было белыми нитками — владельцем и одновременно директором стал Лазарев, студент-заочник с юрфака, иногородний, и к тому же курьер у Шепелева. На самом деле Лазарев и не думал быть директором. Да и не мог. Ни денег, ни умения. Подставное лицо. В Регистрационной палате, ясно, все было проплачено. Очевидно, что из кармана Матющенко. И понятно, зачем. Этот хитрован, как брат погиб, сразу все понял. К суду готовился. Оттого и побежал к Шепелеву. Отделить покойного брата, а следовательно, себя любимого, от ООО и от его долгов. Чистые активы от грязных.

Получил Поздеев только вновь зарегистрированный устав и короткую выписку, что владелец «Стройсервиса» теперь он. И еще акт, этот самый, на семьдесят два миллиона. Без него бы не взял фирму. И никаких бухгалтерских документов. А прежний бухгалтер исчез. Шепелев только сообщил, что счет «Стройсервиса» открыт в «Импэксбанке».

Они, конечно, то есть Шепелев с Матющенко-младшим, проверили этот счет. Не могли не обглодать эти жадные пираньи, если бы там хоть рубль. Но он-то,

Поздеев, он, как Буратино... Искал, рассчитывал... Но на счете ничего... Дырка от бублика. Однако кое-что интересное все же обнаружил: приходили платежи от Института и Матющенко-старший тут же деньги снимал. Сам или его бухгалтер. Тот наверняка был в доле. Но главных-то денег, от инвесторов за квартиры, на счете никогда не было. Их, выходило, Матющенко-старший — не хотелось плохо думать о покойнике, но... — их Матющенко клал в свой бездонный карман. Брал-то налом, в зеленых. Не боялся. То ли рассчитывал на безнаказанность, то ли собирался дать деру, но, скорее всего, рассчитывал на новые деньги от Министерства или Института. Крепко был с ними аффилирован. Какие-то таинственные работы. Приписки без края и конца.

Хотя едва ли собирался бежать. Ведь выстроил огромную дачу. И где? В водосборной зоне, в заповеднике, где строить запрещено. Но своим — разрешали. Не он один. С ним вместе областные министры. Те самые, что подписали договор. Потом скандал был. В газетах писали, как-то даже по телевидению показывали. Митволь грозился снести. Но все осталось по-прежнему. Только Митволя сняли...

И для кого дача? Жену, как выяснилось, бросил. Гулял. Детей не было. Оргии устраивал. Любовниц куча, только любовницы не в счет. Через несколько лет писали про педофилов, как раз в этом элитном поселке, но Матющенко к тому времени не было в живых...

Насчет Поздеева Шепелев, похоже, просчитался. Не свой в доску, как Лазарев. Шепелев, очевидно, рассчитывал, что Михаил Александрович прибежит советовать, ни шагу не ступит без него, а сам — кинул. Впрочем, вынужденно кинул: нельзя им было отдавать бухгалтерские документы. Там такое наворочено. Нельзя было, чтобы документы выплыли на суде. Не доверяли Поздееву. И правильно, что не доверяли. Интересы-то были разные. Шепелев Матющенко защищал, младшего, хитрована, а Поздеев — себя. И правда была на его стороне. К тому же Михаил Александрович обиделся. Понял, что Шепелев его обманул. Подсунул пустышку вместо фирмы с деньгами. Но главное, зачем ему было вешать деньги, украденные покойным Матющенко, на фирму? Пусть братец платит.

Хотя... Все могло быть намного проще. Не исключено, что Шепелеву было глубоко наплевать, что скажет Поздеев на суде. При условии, что судья была на их стороне. А она была. Наверняка. Только этого Михаил Александрович точно не мог знать. Не присутствовал, так сказать, при передаче взятки. Только потом...

...Суд состоялся через год после смерти Матющенко. К тому времени инвесторы-дольщики опустили руки. Это были небогатые люди, бесквартирные, от отчаянья они и пошли в «Стройсервис»: погнались за дешевизной. Когда нет денег, люди часто превращаются в Буратино. Не столько от жадности, бывает — от безысходности. Они-то все видели, догадывались, знали, что Матющенко плут, да еще гулящий, и что он химичит, сами потом говорили, жаловались, что рабочие были пьяные, криво клали стену, она и завалилась потом — да, все видели, догадывались, но... то ли бедность, то ли жадность попутала — кого как... До времени сами помогали Матющенко прятаться от налогов...

К суду дольщики опустили руки, не хотели разоряться на адвокатов. Пришли как свидетели. Наблюдатели. Посмотреть. Прицениться.

Только один, самый богатый и жадный, Островой, да с ним еще родственник, Лапшин — Островой был строитель, фирмач, ходил к замминистра, предлагал достроить и кинуть всех, знали, мол, на что шли, голь, таких и надо стричь — вот он-то и подал в суд. Неприятный человек, жирный, жадный, вилла на Кипре, он, как сытый кот, полез за халявой, и его Поздееву было не жалко.

Вот он-то, Островой, больше всех злобствовал, в прокуратуру писал, но это потом, после суда уже. Поздеева не раз вызывали из-за его писем. Но — пустое. Письма по инстанциям ходили, вверх-вниз, отписками пухли, протоколами наливались дела. Не директора же вызывать Института, не министров, даже Лазарева не трогали, хотя вот уж кого надо бы, да еще бухгалтера, но тех искать, возиться, вот и вызывали Поздеева. Крайний... Его удобнее всего...

Долго Островой напоминал о себе. Его Михаил Александрович и начал ненавидеть. А другие исчезли. Кто больше всех пострадал и кто по-настоящему виноват, те все исчезли... А Михаил Александрович во всем этом деле был крайний, случайный. Деньги ни потерял, ни украл. Надеялся что-то заработать. Но скоро понял, что — мимо.

Нельзя сказать, что он ничего не делал. Копался, расследовал, отчасти из любопытства, отчасти же из-за настырной своей аккуратности. Он всегда так, аккуратный был с юности. Ходил к замминистра. Это раньше назывались отделами, теперь везде были министерства. Это уже после суда. Не раз и не два ходил. Но тот-то хитрый, Григорьев. Притворный. Вежливый такой человек. Ахал, будто в первый раз слышал. Чаем угощал, бубликами. Обе-

шал выплатить все семьдесят два миллиона, погасить долги, вот как только достроят. Расплатиться площадями по очень даже сходной цене. Только строить и не собирались. Да, все обещал, улыбался, врал, слово-то к делу не пришьешь. Расчет простой был: Поздееву наскучит ходить. И — сразу насупился, хмурый стал, злой, едва Михаил Александрович попросил гарантийное письмо.

— Нет, письмо не могу. Хоть режьте меня, нет у меня таких полномочий.

— Так мы, выходит, Владимир Семенович, попусту с вами разговариваем? — разозлился Поздеев. — Мне ведь не разговоры нужны, а гарантийное письмо.

— Нет, почему же, — Григорьев налился злым румянцем, апоплексическим. — Я вам хорошо говорю, по-дружески. Все понимаю: люди пострадали. Сочувствую. Тут ведь несчастный случай.

— Да какой несчастный, если Матющенко деньги в карман клал, дачу строил? Дело для прокурора.

— Ну, прокурор — это в последнюю очередь. Сами понимаете, это не в наших с вами интересах...

— Да какие у меня интересы? Людям нужно деньги отдать.

— Людям? — будто удивился замминистра. — Там и вам хватит.

— Я, Владимир Семенович, себе не чужой. Но я всем гарантии дал. Письма. И вам я устно не поверю. Я готов ждать. Но хочу получить письмо. А нет, так к министру или к прокурору. И в арбитраж.

Поздеев в самом деле записался на прием к министру, но, когда пришел, тот уже уехал. Так повторялось несколько раз, министра всегда не оказывалось, и скоро Поздеев утвердился во мнении, что — бегают. Прячется от него министр. Умеют чиновники держать оборону. Им главное, чтобы срок исковой давности вышел. Хотя... Тянули-то они так, на всякий случай, из любви к искусству. Государство-то за них: суд, прокуратура. Им нечего было бояться. А вот в глаза посмотреть — боялись, не хотели.

Поздеев не стал писать прокурору: бесполезно. Только нервы трепать. Знал эти винтики, шестеренки, как они крутятся. Кому служат. И в арбитраж подавать не стал. Ни семьдесят два миллиона, ни семь миллионов двести тысяч не потребовал. У него уже был опыт, в девяностые еще. Знал, любое дело можно затемнить, закрутить, вывернуть. Знал не понаслышке про административный ресурс. И — что пошлина десять процентов, охрана от таких, как он. Да еще адвокат нужен, вроде Шепелева, и тому — деньги.

Всем — деньги. Вроде по закону Поздеев должен был выиграть — в руках у него был акт, он и представить не мог, что смогут они возразить против этого акта. Не на себя же говорить, что, мол, смошенничали... Что акт подложный... Но знал: безнадежно. Еще отец говорил, он маленький тогда был: «закон, что дышло...». С тех пор не изменилось ничего. Только наглости больше стало...

Странный был суд. Дольщики на галерке сидели. Ждали. Волновались. Смотрели. И только Островой и Лапшин, самые ретивые, впереди. Неприятные люди, жадные, но ведь они были правы. Требовали своих денег. Не с дохлой фирмы, существовавшей только на бумаге, а из наследства Матющенко. Тот ведь украл. Дачу выстроил. Островой фотографии показывал. Большой дом кирпичный в два этажа, фонтан, водные горки, пристань с катером. Бесовестный человек, хапуга... Сколько таких бесовестных, наглых всплыло... От них и пошла порча.

Да, Матющенко не прост был, свой человек в структурах... И он, и брат. Кто из них главный? Но и Островой тоже — не последний человек.

От лица Матющенко выступал адвокат, самого младшего брата на суде не было. Адвокат, понятно, доказывал, что все претензии нужно предъявлять к фирме, что нарушений никаких нет. То есть украл — и нет! А от истцов, от Острового с Лапшиным — другой, шепелевский. Странно даже, как прокололся Островой... но это потом Поздеев узнал, случайно. В общем, скучный процесс... И судья. Не старая еще, даже симпатичная. В мантии... «Ваша честь». Никогда не мог Поздеев произнести это «ваша честь», язык не поворачивался.

Хрущев говорил когда-то «послали Дуньку в Европу». Дуньку... В мантию нарядили... «Ваша честь». Вот и вся судебная реформа. А где она, эта «честь»? Но, вроде показалась поначалу объективной. Слушала. Не перебивала. На часы поглядывала. Позевывала. Не знал тогда Михаил Александрович... Его тоже в сон тянуло от адвокатов. Очнулся, лишь когда судья обратилась к нему.

— А вы как считаете? Кто должен отвечать перед истцами? Фирма? — она словно подсказывала.

За несколько дней до того позвонил Шепелев.

— Миша, — сказал почти просительно, — я тебе помог получить фирму. Теперь твой черед. Скажи на суде, что готов выплатить. Все равно ни хрена не отдадим. Помогу договориться с министром.

(Ничего он не поможет. Врет — понял Поздеев по голосу. Сукин сын.)

— Угу, — да, только и выдавил из себя, что «угу».

Шепелев, наверное, понял. Сказал:

— Или совсем не ходи. Не твой вопрос.

С Шепелевым нужно было рвать. Михаил Александрович все уже понимал и был сильно обижен подставой. Как дурачка его Шепелев провел. Смеялся, небось. Вместе с Матющенко веселились.

Да, понимал уже Поздеев, что не будет никаких денег и что он зря во все это влез. Оттого и заговорил на суде, что деньги от истцов никогда не вносились ни в кассу, ни на счет. И на счете ноль. Матющенко деньги фактически присвоил. Мошенничество в чистом виде. И что если суд хочет вернуть деньги истцам, нужно взять их из наследства. А если все же суд, вопреки всему, считает, что платить должна фирма, тогда пусть поможет ей вернуть долг.

— Я подготовил заявление о привлечении к суду Института и областного правительства, — закончил он.

— Это совсем другой суд. Вы можете обратиться с отдельным иском, — судья Бузяк была очень недовольна. Она, видно, совсем другого ожидала от Поздеева. Что он с теми, поделщик. С Шепелевым и Матющенко. Однако выкрутилась, решение зачитала: взыскать внесенные Островым и Лапшиным деньги с фирмы.

Решение было несправедливое, глупое, а главное, неисполнимое. Настоящий судебный абсурд. Михаил Александрович, однако, не стал подавать апелляцию. Не стал даже решение получать. В процессе он участвовал лишь как третье лицо. Ни денег — не платить же свои, кровные, — ни адвоката, чтобы опротестовать решение судьи, у него не было. Оспаривать определение Бузяк должны были Островой и Лапшин. Деньги-то их. Но и они не стали. Их, не исключено, отговорил адвокат.

На этом все закончилось тогда. Лет семь Поздеева не тревожили, если не считать вызовы в УБЭП и в прокуратуру — это злобствовал Островой, жаловался.

Да, в первые годы приходилось ходить. Убэповец, тот в штатском был, вполне лояльный мужик, приличный, писал, вздыхал, давал Поздееву расписаться. Михаил Александрович понял — не враг; тот все понимал. Он и не скрывал:

— Ведь что происходит: все белыми нитками. Нагло, нахально. Все на поверхности лежит. Тут бы копнуть поглубже. Там мрак, в области. Сигналов

множество. Серьезных. Не Острового жалоба, она выеденного яйца не стоит. Не на тех жалуется... Так нет. Не разрешают. Письма пишем, гоняем по инстанциям. Давно превратились в бумажных тигров. Над нами смеются...

Документы от убэповца, сильно разбухнув — он писал долго и много, подробно — ушли, покочевали по инстанциям и вернулись назад. Пришлось ему снова вызвать Поздеева. Заново писать протокол. Он корпел над бумагами и вдруг сорвался:

— До чего же все надоело. Система... Дурмашина какая-то. Советскую власть сбросили, думали, лучше будет. А ведь только хуже. Все по-прежнему... Ведь что мы делаем? Пишем, пишем, пишем. Сами себя обманываем. Тут же вот он, криминал... Голыми руками. Но нет, не дают. Даже директора Института вызвать не дают. Номенклатура... Делаем вид, что боремся, что что-то решаем... А суд?! Стыдно за такой суд. Судья куплена. Ну, не дура же она...

— Да, очень похоже, — согласился Поздеев.

— Похоже? — бушевал майор. — Да не похоже, а так и есть. Суд, прокуратура, мы... Все на корню. Все бездарно и глупо. Все исключительно в ручном режиме. Система не работает, устарела... Вместе неотвратимости избирательность. Тут же все невооруженным глазом... Что Матющенко покойный — вор; он-то погиб — спьяну вдребезги, но понедельники-то живы... И этот... Лазарев. В нашу систему взяли. И Шепелев. Сколько раз светился... И семьдесят два миллиона, это же филькина грамота... Но мне велят письма писать. Отписки.

Михаил Александрович сидел молча. Он вроде бы не был виноват, юридической вины на нем не лежало, но тоже где-то рядом. Испачкался.

В другой раз его вызвали в прокуратуру. Он нервничал, мало ли что, мало ли куда повернет. Прокуратура не верила УБЭПу. Но в прокуратуре сидели девочки. Молоденькие практикантки, наверняка студентки младших курсов. Поздеев вздохнул с облегчением: его дело не рассматривалось как важное.

Практикантки допрашивали добродушного, толстого человека. Тот смеялся. Атмосфера была почти как семейная. Вскоре девушки запутались в показаниях — речь шла о каких-то концертах, — так что Поздееву пришлось подключиться и помочь. Он с детства неплохо писал сочинения.

Когда очередь дошла до Михаила Александровича, зазвонил телефон. Главная из девушек взяла трубку. Это был, скорее всего, ее парень. Она некоторое время слушала, потом стала ворковать.

— Нет, не могу сейчас. У меня допрос, — она очень гордилась тем, что у нее допрос. Так маленькие дети гордятся, когда им покупают дорогую игрушку. — Нет, нет, вполне приличный... Нет, ничего такого... Честный... Скоро закончу. Я тебя целую прямо в губы, — ее не смущало присутствие Поздеева. Ему стало весело. Он понял, что ничего ему не грозит и что все происходящее несерьезно.

Вызывали в первые два-три года. Потом отстали от него.

«А ведь я — дурак, — вспоминая начало этой истории, думал теперь Поздеев. — Дурак, да еще какой. Влип, как кур во щи. Знал, кто такой Шепелев. И Лазарев тоже...»

Лазарева заочно величали сливным бачком. Внешне симпатичный был парень, вроде неглупый, но... в полном рабстве у Шепелева. Числился курьером, носил какие-то бумаги, бывал в таинственных кабинетах, но главная функция его заключалась в другом. На него все вешали: квартиры, доверенности, фирмы... Помоечных фирм на нем было множество, и еще он расписывался в разных нечистых документах, когда какой-нибудь криминал. Много в чем участвовал. Впрочем, Поздеев знал мало, больше догадывался.

— Не боишься сесть? Там же много чего, — спросил как-то Михаил Александрович.

— Не боюсь. Нилыч выручит, — гордо усмехнулся Лазарев. Шепелев и в самом деле ему покровительствовал. Не то чтобы любил — он никого не любил, кроме себя, холодный был человек, но — именно покровительствовал. Лазарев нужен ему был. Шепелев и на юрфак его пристроил, хотя учился Лазарев плохо.

Там, где Лазарев, не могло быть чисто. Следовало отказаться. Если бы действительно светили деньги, эти семьдесят два миллиона, Шепелев бы удавился скорее. Да и Матющенко-младший тоже. Но Поздеева подвела жадность: а вдруг?

— А зачем вам, Павел Нилович, чем Лазарев вас не устраивает? — это все-таки Поздеев спросил.

— Лазарев институт заканчивает. Пойдет работать в милицию. Ему избавиться нужно от фирмы.

Да, чиститься-перечиститься требовалось Лазареву. Клеймо ставить было негде. Настолько, что Поздеев не поверил. «Не может быть, потому что такого не может быть». Поздеев другую версию выдвинул про себя: Шепелев и Лаза-

рев не сошлись в деньгах. Или: Лазарев собрался уехать. Да мало ли что. Но вот убэповец подтвердил: в системе. Значит, это был тот редкий случай, когда Шепелев не соврал.

С тех пор, когда переоформили фирму, Поздеев Лазарева не видел.

...

Михаилу Александровичу велено было придти к шестнадцати часам. Но, войдя в новый многоэтажный куб на Бутырском валу, в «чистилище», как говорили знающие люди, он понял, что безнадежно опоздал: как и во всякое казенное учреждение, вход был исключительно по пропускам — к пропускному пункту вилась длинная змееподобная очередь. Однако прежде чем стать в эту очередь, требовалось выстоять другую, не меньшую, чтобы получить пропуск. Михаил Александрович давно заметил: с тех пор, как вместо советской установилась новая власть, в которой не так уж много было нового, очереди в магазинах и в разных частных фирмах тотчас исчезли, наоборот, людей всячески заманивали туда, придумывали разные акции, но в государственных учреждениях очереди стали только больше. По крайней мере, так казалось Поздееву. Отчасти Михаил Александрович объяснял это тем, что в советские учреждения он принципиально старался не ходить и об очередях знал лишь понаслышке, но избегать новейших чреждений ему не удавалось никак.

Отстояв первую очередь, Поздеев обнаружил, что пропуск для него Багаев не заказал. Разозлившись, Михаил Александрович хотел было все бросить и уйти — не ему нужен весь этот цирк, ООО «Стройсервис» давно не существует, им нужно отписаться и вот вместо того, чтобы ответить как есть, что никакого имущества нет, они заставляют его прийти, угрожают, разыгрывают комедию, будто он директор, хотя на самом деле он всего лишь пенсионер. Да, делают из него зицдиректора зицфирмы. Мистификация по-новорусски. Денег, что ли, хотят?

Поздеев уже выходил на улицу, когда его обожгла мысль, что если он уйдет сейчас, его не выпустят за границу, им ничего не стоит, а он с женой как раз собирался в Турцию — к солнцу и морю, хоть две недели отдохнуть от здешних невзгод. Пришлось вернуться и дозваниваться до Багаева-Басаева. Когда он, наконец, дозвонился, было уже полшестого.

— А, пришли все-таки, — радостно прокричал Багаев на своем этаже, — это хорошо, что пришли. К нам все приходят. Мы — это государство. Без нас никак. Сейчас выпишу пропуск, — извиниться в голову ему не пришло.

Лишь теперь можно было стать во вторую очередь, которая, несмотря на окончание рабочего дня, стала только длиннее. Поздеев отстоял эту очередь и поднялся на лифте на восьмой этаж: перед ним змеилась новая очередь, теперь уже в кабинет. Михаил Александрович попытался проскользнуть мимо, обойти очередное препятствие — не ему ведь это все нужно; другие, что стоят в очереди, вероятно, истцы и пытаются вернуть свои деньги, вот пусть и стоят — но перед ним тотчас выросли несколько человек.

— Меня вызвали, мне от них ничего не нужно, это, скорее всего, чистое недоразумение. Я не директор и никогда им не был, и фирмы такой нет, — попытался объяснить Поздеев.

— Всех вызвали, всем ничего не нужно. У меня бизнес отобрали и еще таскают, грозятся. Который раз хожу, — закричала одна из них, женщина размера шестидесятого, дохнув резким табачным духом. — Всех нас опустили! Всех в дерьмо превратили. Из всех самоубийц делают. Вон, посмотрите, какой отдел.

Люди расступились, Михаил Александрович смог посмотреть на дверь. На ней висела табличка «Отдел изъятия недоимок».

Пришлось смириться и стоять, сесть было негде. Люди возбужденно переговаривались. Одна женщина, мать семейства, рассказывала, что у нее из-за ошибки нотариуса отобрали квартиру, приличного вида мужчина — что его партнер по бизнесу подделал подпись, подкупил судью и отсудил у него полмиллиона долларов и что ему теперь ничего не остается, как наложить на себя руки из-за преследующих его коллекторов. Люди вздыхали, заметил Поздеев, они были подавлены и злы, но реагировали на чужие жалобы довольно вяло: очевидно, каждый думал, что именно его дело уникальное и что именно по отношению к нему допущена колоссальная несправедливость, а все остальные действительно виноваты. Нет дыма без огня... Наконец часа через два Михаил Александрович попал к Багаеву.

— Конец работы, — сказал Багаев. — Я и так задержался. Каждый день задерживаюсь из-за таких, как вы. Все кругом несознательные. Не понимают, что все равно придется платить. Поэтому лучше сразу, без нервов. Я тут работу свою делаю. Стараюсь. Ничего личного.

— А вы знаете, как вас называют люди? — сердито спросил Поздеев.

— Террористом, что ли? — рассмеялся Багаев. — Так я добрый террорист. Государственный.

— Вы бы не занимались ерундой, — зло возразил Михаил Александрович. — На меня сколько времени потратили. А зачем? Я же ни-че-го ни-ко-му не должен. Обыкновенный пенсионер.

— Некогда мне с вами дискутировать, — примирительно сказал Багаев, взглянув на часы. — Опять опоздал. Никакой личной жизни. Вас много, а я один. И я всегда прав. Лучше подпишите документ. И он стал читать: «Предупреждение об уголовной ответственности по статье 177 Уголовного кодекса Российской Федерации». Он читал довольно долго, из текста Михаил Александрович понял, что иск подали Островой и Лапшин и что обвиняют его в «злостном уклонении руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта».

Закончив чтение, Багаев стал комментировать:

— До двух лет строгого режима. Это пока до двух, а скоро будет четыре. Гаечки-то подкручивают. Порядок наводят. Так что подумайте. Не в ваших интересах затягивать дело. Гоните пятьдесят тысяч долларов. Еще легко отдаетесь.

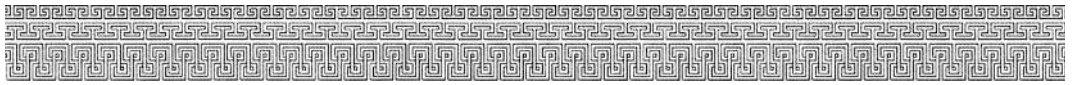
— Да с чего я должен платить? — возмутился Поздеев. — С таким же успехом вы можете остановить любого на улице.

— И остановим, если будет нужно. От имени Российской Федерации. Так что подумайте. А главное, подпишите, что предупреждены. И приходите снова через неделю. Лучше с деньгами. Не договоримся — передам дело дознавателю. С ним будет хуже: крутой. Вот, возьмите ваш экземпляр, чтобы потом не говорили, что вас не предупреждали.

Едва живой, Михаил Александрович вышел от пристава. Перед Багаевым он хорохорился, держался, но, выйдя, почувствовал: устал, сердце бьется неровно, с экстрасистолами, голова кружится.

Дело, с одной стороны, по-прежнему представлялось исключительно пустым, высосанным из пальца: он — не директор и никогда им не был, мало того, несколько лет Михаил Александрович на пенсии и фирма «Стройсервис» давно не существует, никакую деятельность не ведет, и счет наверняка закрыт — нужно будет проверить, — но, главное, как физическое лицо по закону он не отвечает за юридическое. Так и в уставе записано. Откуда только они взяли эту статью? Она ведь — за уши... Так неужели они могут передать это дело в суд? И неужели судья окажется такой идиот, что даст ему два года, или четыре, или наложит штраф в не-

сколько сот тысяч? И ведь это совсем несопоставимо: два года и штраф в двести тысяч рублей, если по нижней границе. А между нижней границей и верхней, читай, произвол? Как может быть такой закон? Прямо подарок для коррупционеров. И ведь он пенсионер. Не могут же они пенсионера. Да еще ни с того ни с сего...

Но с другой стороны, Михаил Александрович чувствовал, что нервы у него на пределе. В девяностые и в начале двухтысячных Поздеев много раз попадал в разные переделки, жизнь была такая, но он выдерживал, выкручивался, сейчас, однако, сил больше не было. Он — устал. И — ведь могут перекрыть выезд, а у него с женой куплены путевки; *о н и* — все могут, он много раз видел российское правосудие. Что называется, под лупой видел. Как говорится, от тюрьмы, да от сумы...

Неужели им платит Островой и они заинтересованы в этом деле? Или — обыкновенный идиотизм?

Вывод, увы, получался только один. Оставлять на самотек это «дело» было нельзя. Требовалось срочно искать адвоката. Поздеев знал, что пользы от адвокатов мало, судьи их не слушают, адвокаты только делают вид, что от них что-то зависит, но и без адвоката нельзя. Суд — специфическое учреждение, со своими правилами. Без адвоката в суде заключают. Слово пикнуть не дадут. Да и нельзя допустить до суда.

Начать поиск адвоката Поздеев решил с конторы братьев Ксензенко. Их визитки «Решение дел с судебными приставами, ведение арбитражных процессов, гражданское и уголовное судопроизводство, третейские суды, переговоры с кредиторами и дебиторами» раздавали прямо в холле на Бутырском валу. И не просто раздавали. Женщина, которая сунула Михаилу Александровичу визитку, увидев его заинтересованность, тотчас отвела его в сторону и, словно они сто лет были знакомы, убеждала: «Пойдите. Не пожалеете. Вот кто действительно решает проблемы (она сделала ударение на слове «решает»). У них — связи. Везде: от Госдумы до Генпрокуратуры. Ксензенко все могут. И недорого. Им никакой суд нипочем». Поздеев не то чтобы поверил, он не был от природы очень доверчив, да и жизнь научила его никому не доверять, но решил посмотреть. Решение дел с судебными приставами — именно *р е ш е н и е* — это было именно то, что требовалось ему.

Однако прежде чем идти в контору к братьям, необходимо было собрать документы. В свое время семь лет назад решение судьи Бузяк Поздеев так и

не получил, лень было лишний раз идти в суд. Оно было странное, это решение, нелогичное, Михаил Александрович подозревал, что — коррупция, Шепелев умел обдeldывать подобные дела — и вот он держал определение судьи Бузяк в руках и глазам своим не верил. Вовсе не то он говорил. В протоколе и в решении было написано, что генеральный директор ООО «Стройсервис» М.А. Поздеев (все они переврали: Михаил Александрович утверждал, что только учредитель) «против иска не возражал, иск не оспаривал, подтвердил, что истцы заключили договор с ООО и что деньги были переданы на строительство жилого дома». И дальше: «Истцы не предоставили суду каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что внесенные ими в кассу ООО «Стройсервис» деньги были присвоены или похищены Матющенко Ю.А. Уголовное дело не возбуждалось». А ведь ложь. Истцы и не могли этого знать. То есть знали, догадывались, но документов не видели. Но он-то говорил в суде: и что счет пуст, и что в балансе эти деньги не отражены. А, следовательно, похищены.

Подлог был налицо. Но он, Поздеев, только сейчас это увидел, впервые. Лишь сейчас убедился, что — действительно коррупция, судья была подкуплена. Пусть не на все сто убедился, на девяносто девять процентов. Но как понять Острового с Лапшиным? Они ведь читали. Видели, что обман.

Поздееву тогда было все равно, хотя неприятно. Ясно было, что дело зашло в тупик, что никто из дольщиков ничего не получит, все достанется хитровану Матющенко-младшему. Но его, Поздеева, это прямо не касалось.

Михаил Александрович ожидал, что Островой и Лапшин подадут протест. Но они не подали. Пожадничали. Стали искать не там, где потеряли, а там, где светло. С Шепелевым вели переговоры. Вот он их и надомил, что доллары можно получить с Поздеева. Что областной Институт обязательно с ним расплатится. Что в министерствах сидят исключительно приличные люди.

А может, они просто не верили, что в Мосгорсуде можно что-то изменить. Недаром говорили: «Мосгорштамп».

Впрочем, бог весть, что они думали и что говорил им Шепелев. Важно, что не подали протест. И Поздеев не стал. Не сумасшедший, чтобы таскать каштаны из огня для чужих. Да еще за просто так.

Много лет Поздеев думал, что все закончилось давно. С истечением срока давности неисполненное решение судьи Бузяк потеряло юридическую силу. Но дурмашина, словно вечный двигатель, продолжала крутиться...

В разбухшей архивной папке, перетянутой тесемками, находились документы, из которых Михаил Александрович видел, что Островой и Лапшин вскоре после суда обратились к судебному приставу Павловой и в положенный срок получили отказ «ввиду отсутствия у должника недвижимого и движимого имущества», о чем и был составлен соответствующий акт. Что и требовалось доказать. Решение-то безнадежное было, неисполнимое. Судебный конфуз. Другие бы на этом успокоились, сами виноваты, но эти как бараны на новые ворота полезли: стали добиваться восстановления срока. Не пересмотра заведомо неисполнимого решения, но — восстановления срока. Шепелевский адвокат, как Иван Сусанин завел дело в тупик. Еще и денежки доил.

Новый суд, не вникая, — оппонентов-то не было, — восстановил срок. И прокуратура не додумалась тоже: письма гоняли по инстанциям, жалобы — вверх-вниз, туда-сюда, Поздеева вызывали, писали протоколы, а дело затребовать, вникнуть, посмотреть хоть, о чем речь, решение опротестовать — нет. Никому не нужно ничего. Никто не хочет вникать. Крутится дурмашина, крутится. Летят бумаги...

Офис братьев Ксензенко располагался на Тверской. Кажется, в этом месте или где-то рядом в начале девяностых находились конторы Кобзона и Квантришвили, но Михаил Александрович не был уверен — он побывал там очень давно и всего один раз.

Обширный холл, куда Поздеев вошел, не показался Михаилу Александровичу ни роскошным, ни, наоборот, бедным, был он, скорее всего, безлик — так, бывает, выглядят люди из спецслужб, профессионалы. Он сразу подумал, что *о н и* как-то связаны. И действительно, через несколько дней Поздеев ничего не мог вспомнить, разве что врезалась в память длинноногая улыбчивая секретарша, явно исполнявшая функции эскорта, которая молча проводила Поздеева в обширный кабинет к младшему из братьев, Николаю Павловичу.

Ксензенко-младший оказался такой же бесцветный, как и все в этом офисе, похожем на госучреждение: за спиной преуспевающего адвоката висели портреты президента и премьера, на боковых стенах — царей Николаев, Первого и Второго, на столе перед Николаем Павловичем стоял на подставке пластмассовой российский флаг, на стене сбоку — карта России с сопредельными территориями, помеченными зачем-то флажками, в углу — Красное знамя и Андреевский флаг.

«Интересно, чей портрет висит напротив стола? — не без любопытства подумал Михаил Александрович. — Неужели Сталина?» Он неловко, до боли в шее, попробовал обернуться. Вместо Сталина на стене висел портрет Андропова в черном костюме. Андропов улыбался.

— Умнейший человек был, — перехватив взгляд Поздеева, сказал Ксензенко. — Мне приходилось видеть его в детстве. — Умнейший. Он бы не допустил... Отстоял Венгрию... Я из семьи чекистов в третьем поколении. Отец вместе с Андроповым работал.

— Да, умный человек, — вяло согласился Поздеев. Не об Андропове он пришел разговаривать. И стал рассказывать о своем деле.

Слушая Поздеева, Ксензенко слегка оживился, так что на блеклом, незапоминающемся лице его с небритой светлой щетиной и слабеньким подобием бородки, промелькнуло что-то вроде улыбки.

— Да, серьезное дело. Очень серьезное, — с едва различимой улыбкой Ксензенко перебил Поздеева. — Но мы поможем. Мы всем помогаем.

— Вы не дослушали меня, — обиделся Михаил Александрович.

— Это сейчас неважно, — возразил Ксензенко. — У нас особенный метод, стопроцентный. Знаете, работаем с депутатами. Депутаты — тоже люди. Готовы помочь. Это, — он замялся, подбирая слова, — это очень дорогое удовольствие, депутатство. В советских учебниках правду писали о буржуазной демократии... Ну вот, растратятся на место в списке, потом это нужно отработать... Ищут приработок... Но, правда, есть и бескорыстные, процентов пять-десять. Мы с разными работаем. И с московскими тоже, но больше с Госдумой... готовим письма в Генпрокуратуру, депутаты подписывают как запрос. Если несколько писем сразу, дают скидку. А Генпрокуратура уже борется с приставами. Они нередко безобразничают, приставы. У них, понятно, свой интерес, шкурный, перевыполнение плана, премии, но Генпрокуратуры они боятся... Как огня...

— То есть вы обходите без суда? — уточнил Михаил Александрович. — Решаете с приставами?

— А зачем суд? — улыбнулся Ксензенко, на миг показав мелкие, кривые зубы. — Вы же знаете наш суд. То есть мы бы и с судом справились, но зачем?

«Делиться», — мысленно подсказал Поздеев.

— Мы все держим под контролем, — продолжал Ксензенко. — В Генпрокуратуре тоже разные люди. Замгенпрокурора подписывает... а исполнители разные... Да, все люди... Таракашечки, букашечки, зверушечки, лягушечки,

все хотят жить... Мы даем стопроцентную гарантию, — неожиданно прервал он свою речь.

— Гарантийное письмо? — не понял Поздеев.

— Нет, гарантийное письмо мы не имеем права писать. Но механизм стопроцентный. Большие люди через нас решают свои проблемы. Если, конечно, это не политика. Хотя и политика тоже. Смотря что.

— И сколько, извините, будет стоить мое дело? — спросил Михаил Александрович.

— Пятьсот тысяч, — напрягся Ксензенко. — Дело, конечно, небольшое, мелкое... Это вам не какой-нибудь металлургический завод, не растаможка на миллионы. Но депутаты — люди не простые, им все равно, знаете, что подписывать, мелочиться не станут.

— А если не получится? — засомневался Поздеев.

— У нас всегда получается, — заверил Ксензенко. — Не может не получиться. Тузы всегда бьют шестерки.

— Я подумаю и приду, — пообещал Михаил Александрович. На самом деле, он Ксензенко не поверил. Пятьсот тысяч было слишком много для него. Да и могут не вернуть, если что. Ксензенко даже выслушать не захотел до конца. Положит деньги в карман, как Матющенко.

Выходя, Михаил Александрович бросил взгляд на сидевшую за конторкой длинноногую секретаршу. Она тотчас, как японский болванчик с приклеенной улыбкой, стала кивать. Рядом с ней лежало несколько депутатских конвертов. Поздеев успел разобрать три фамилии. Первый был известный в прошлом бодигард, один из самых влиятельных и скандальных людей недавно закончившейся эпохи, другой — авторитетный бизнесмен из Красноярска, третий — проворовавшийся банкир, сосланный на время в синекуру...

Поздеев вышел от Ксензенко подавленный. Искать адвоката следовало в другом месте. Попроще и подешевле. Он открыл интернет и стал прозванивать юридические конторы. Наконец остановился на одной недалеко от Арбата. Не то чтобы эта контора сильно отличалась от других, но там не стали нагонять страх, вроде даже посочувствовали, повозмущались вместе с ним, а главное, обещали взять совсем небольшие деньги.

На следующий день Михаил Александрович сидел перед адвокатом, с которой накануне разговаривал по телефону. Это была миловидная и спокой-

ная женщина лет тридцати пяти-сорока, ее можно было даже признать красивой, если бы не глаза. Глаза были усталые, печальные, они казались много старше ее.

Выслушав Михаила Александровича, адвокат долго читала документы, вздыхала, что-то выписывала, ксерокопировала для себя, возмущалась, что «и это называется правовое государство. Дурак на дураке сидит и дураком погоняет» — это нравилось Поздееву. Наблюдая, как она работает, размышляет, сердится, отчего ее миловидное лицо на глазах постарело, уголки губ опустились, а в глазах появилась тихая мука, Поздеев начал ее жалеть: вот ведь он-то как-нибудь выкрутится, морок этот когда-нибудь закончится, как закончилось у него и многое другое в этой жизни — бандиты, суды, налоговые претензии, ложные доносы и пустые, формальные допросы — да, все осталось позади, это наваждение казалось последним. Но вот она всю жизнь вынуждена заниматься непонятно чем: читать нудные-перенудные, а часто и бессмысленные документы, распутывать то, что другие нарочно запутывают, рыться в фальшивых договорах, бесконечно сталкиваться с человеческой подлостью, глупостью, с придуманными требованиями, с враньем, с неправосудными решениями, которые нельзя отменить и нельзя исполнить, встречаться с нелюдьми, придумывать невозможные аргументы, оправдывать то, что нельзя оправдать, копаться во всей этой мути — недаром лицо ее старилось на глазах и покрывалось морщинами, пока она читала. Да, нелегкий у нее хлеб, никаких денег не захочешь.

Екатерина Филипповна дочитала и подняла на Поздеева свои усталые глаза.

— Вы утверждаете, что никогда не были директором?

— Никогда.

— И зарплату не получали? Ни одной копейки?

— Не получал. Откуда бы я взял зарплату, если на счете ноль и деятельности никакой?

— Зачем же вы согласились стать учредителем фирмы? Купили ее у Лазарева?

— Я же объяснял, — устало сказал Михаил Александрович, — что был долг перед фирмой со стороны областного правительства. Семьдесят два миллиона. И — на самом деле не покупал. Это была ложная сделка. Просто переоформили.

— Да, это называется ложная сделка, — согласилась Екатерина Филипповна. — И вы надеялись, что вам отдадут эти семьдесят два миллиона?

— А почему нет? У меня имелся акт выполненных работ. С подписями. С печатями. По закону мне было положено. То есть не мне, а ООО «Стройсервис», — тотчас поправился Поздеев.

— Фирма действительно выполнила работы на эти семьдесят два миллиона?

— Вот это я не знаю. Но это между нами. Это без меня было. Но акт-то есть.

— А вы не пытались подать в суд? — она спрашивала серьезно, только бесконечно устало, словно давно разочаровалась во всем и даже состарилась от своего разочарования. Он усмехнулся.

— Нет, не пытался. Вы же сами знаете, что такое суд. К тому же пошлина больше семи миллионов.

— Еще и сейчас можно, — подсказала она. — Срок исковой давности прошел, но можно через прокурора.

— Нет, я не хочу. Разве что у вас найдется знакомый прокурор. Вы же знаете, что — безнадежно. Законы — одно, а жизнь — другое.

— Да, — она долго молчала. Поздеев заметил, что на лице у Екатерины Филипповны снова появились морщинки. Только что их не было, но теперь — появились. Она старела на глазах. — У нас один выход. Нужно ликвидировать фирму. Иначе от вас не отстанут. Никогда. Если вы согласны, я подготовлю документы. Сразу в арбитраж и в налоговую инспекцию. Налоговая имеет законное право, даже обязана ликвидировать ваше ООО, но они всегда манкируют.

— Давайте попробуем написать в налоговую, — предложил Поздеев. — «Так будет дешевле», — подумал он.

— Хорошо, — согласилась адвокат. — Но это почти безнадежно. Впрочем, когда будет отказ, мы сможем его обжаловать и подать в арбитраж. Мы все как бабочки, которые бьются о стекло...

Она как в воду глядела. Через месяц Поздеев получил из налоговой отказ. Коротенькое путаное письмо, из которого следовало, что для ликвидации фирмы нужно обращаться с арбитражный суд. Поздеев к тому времени созрел окончательно, ему уже было не до денег.

Не до денег, потому что через неделю, как и велел Багаев-Басаев, Михаил Александрович снова вынужден был придти в стеклобетонное здание на Бутырском валу, дважды выстоять очередь и, выпотрошенный, обессиленный предстать перед Багаевым. Тот был не в духе:

— Вы чем-то недовольны? Устали? У нас тут люди пожизненно ходят, а вы только начали. Тем, что вы не возвращаете кредиторскую задолженность («Это что-то новое: «кредиторскую задолженность», — подумал Поздеев. — Неужели забыл, о чем речь?»), вы играете против себя. Смотрите, доиграетесь. Приходите снова через две недели. Вам повезло, что я на время уезжаю. Если не решите вопрос с возвратом денег, придется идти к дознавателю. А это чревато. От него никто просто так не уходил. С ним точно срок. И еще, предупреждаю, границу мы вам перекрыли. Теперь вы никуда... Вот, подписывайте «Предупреждение...» Думайте. Времени осталось немного.

Прошло еще две недели, Поздеев снова побывал у Багаева, подписал очередное «Предупреждение...» и на сей раз получил повестку к дознавателю, про которого все говорили, что — кровосос. Маленький, лысенький, злобный, как присосется, так и пьет кровь до конца.

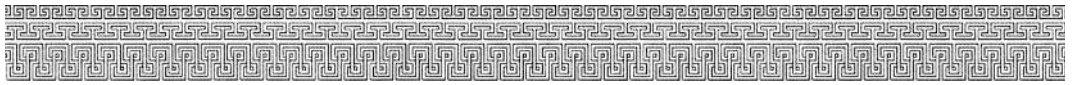
Вот и все — деваться Михаилу Александровичу стало некуда. Попался ушастик. Ни за что попался, за чужие грехи пострадал. Хотя, и свои были, но проносило. А тут... Появилось, правда, искушение плюнуть на все и не ходить к приставам, не отвечать на повестки, выключить телефон, уехать куда-нибудь, не станут же разыскивать из-за пустого дела, у них — конвейер, машина, ордена, премии... а он всего-то маленький человек. Лилипутик против их машины...

Однако вместо того, чтобы бежать, Поздеев снова пошел к своему адвокату, к доброй и милой Екатерине Филипповне. Он не знал, сможет ли она помочь. Но хоть психотерапия. Он ведь как муха бьется в паутине.

— Ну что, будем готовить документы в арбитраж, банкротить фирму? — с участливой улыбкой спросила она. Добрая, тактичная Екатерина Филипповна, она старалась не показывать удовлетворение, но Михаил Александрович видел ее насквозь, будто она была из стекла. Видел, но не судил. Знал, что любой адвокат на ее месте не вел бы себя лучше. Она хоть сочувствовала, не притворялась. И даже возмущалась вместе с ним. А что еще могла она делать? И чем еще помочь? У нее работа такая: помогать, но отщипывать. Адвокаты тоже люди и тоже хотят жить. Бескорыстия не существует. В этой машине, в этом жестоком конвейере правосудия они все-таки лучше других.

— Во сколько обойдется мне арбитраж? — спросил Поздеев, хотя было не до денег. С арбитражем следовало спешить.

— Сто тысяч рублей, — сказала Екатерина Филипповна. В адвокатской коллегии нам запретили брать меньше. Это если мне придется идти в арбитраж. А пока только тридцать тысяч. Я подготовлю для вас заявление. Вы сами отнесете.

Только теперь он заметил, что за время, пока он ее не видел, у Екатерины Филипповны прилично вырос живот. Он прикинул: месяца через три она уйдет в декретный отпуск и он останется без защиты.

Он ничего не сказал, только пожалел ее будущего ребенка. Неужели и он станет адвокатом? Сил у Поздеева больше не было. Он оплатил все положенные квитанции и отнес заявление и множество приложений к нему в арбитражный суд. И вскоре получил короткий ответ: заявление оставлено без движения, так как не приложены доказательства полномочий гражданина Поздеева М.А. о том, что он является генеральным директором ООО «Стройсервис». На этом месте Михаилу Александровичу стало плохо, он почувствовал тошноту и неприятный трепет в груди. Он больше не мог — он же *не генеральный*. Что же теперь: это проклятое ООО будет существовать вечно? Через силу Михаил Александрович заставил себя прочесть до конца. И снова ему стало плохо. Он писал в заявлении, что единственный счет фирмы закрыт несколько лет назад. Но судья требовала принести подтвержденный соответствующим налоговым органом перечень расчетных и иных счетов, наименования и адреса банков, в которых открыты эти счета, представить доказательства отсутствия денежных средств на этих счетах и уплатить пошлину. Но как можно предоставить то, чего нет? Налоговая никогда не даст такой перечень и не подтвердит, что этих счетов нет, опять-таки потому, что у него нет полномочий. То есть, с одной стороны, он не гендиректор и у него нет полномочий, но, с другой, его по ошибке внесли в реестр и не знают, как исключить, и оттого он как бы гендиректор и из-за этого ему положен срок. Судья требовала еще каких-то бумаг, сведений об имуществе, которого у несуществующей фирмы не могло быть, предварительного назначения временного управляющего...

Чем больше Михаил Александрович читал, тем хуже ему становилось, тем большее отчаяние охватывало его. Он понял, что не сможет больше заниматься арбитражем и не сможет добиться банкротства, уж лучше все бросить и будь что будет. Легче отсидеть два года или даже четыре, чем так мучиться. Да и не сможет же суд, не сумасшедший же судья? А если — сумасшедший?

Но за что? Что он сделал, что его так мучают? Ну, пусть он в чем-то виноват... Но — тюрьма? Фраера, неприкасаемые, петухи, опущенные, блатные, шерстяные... Ад, сотворенный людьми! За что? Зачем? Он просто попал в жернова сумасшедшей, безмозглой машины, бесчеловечной... Которая живет по своим законам... Крутится... Как вечный двигатель крутится... Приставы, судьи, тюремщики — не люди! Они — функции! И законы — насмешка! Дурмашина... Всё — дурмашина...

#

Михаил Александрович у пристава Багаева, Басаева... Террорист, ваххабит... Хотя, по справедливости, Багаев ничем, кроме бороды, не отличался от остальных. Вежлив, спокоен. Даже как-то сказал: «Ничего личного. Работа такая». На стене куча грамот. Старательный...

...Еще через неделю Михаилу Александровичу велено было идти к дознавателю. Тут, правда, машина дала сбой...

...Он выстоял бесконечно длинную очередь, потом другую и, вконец обесиленный, вошел к Кровососу. Перед Поздеевым предстал маленький человек, лысый, страшненький, с очень длинными руками, непропорционально большими ладонями и маленькими скрюченными пальчиками. «Паук», окрестил его Михаил Александрович. Паук сидел за компьютером.

— Фамилия? — не здороваясь, спросил Паук. Голос у него оказался неожиданно низкий, громкий, словно исходил не из маленького тельца, а... Михаил Александрович оглянулся, пытаясь понять, откуда может исходить голос, но ничего подозрительного в комнате не было. Только стол, компьютер и два стула.

— Фамилия? — разъярясь, повторил Паук. Он злился и в то же время, кажется, был доволен произведенным впечатлением.

— Поздеев.

— А, Поздеев, тот самый, который задолжал пятьдесят тысяч зеленых!

— Я никому ничего не должен. Я не директор и никогда им не был. И ООО «Стройсервис» уже десять лет как нет.

— Это никого не интересует, — голос существовал словно отдельно от Паука; Поздеева сверлили маленькие глазки. — Если не докажете, что не директор, придется платить. Или под суд. Вон, — длинная клешня указала на компьютер, — эти тоже думали, что не должны. И где они? Все сели.

— Вот вы сказали, — Михаил Александрович готов был ухватиться за любую соломинку, — что если я докажу, что не директор, то вы от меня, — он хотел сказать «отстанете», но не решился, а потому закончил фразу неуверенно, — то вы меня отпустите. Как я должен доказать?

— Пусть вас исключат из реестра, — ощущение было такое, будто Паук молчит, голос же, отделившись от него, доносится из-за спины. — Только никогда никого еще не исключали. Никто от нас не ускользнул.

— А где находится этот реестр?

— А реестр как Кощей. Слышали про Кощея Бессмертного? — на сей раз говорил вроде сам Кровосос. Он произносил слова, будто специально издевался, улыбаясь одними тонкими губами, а глаза-буравчики в это время сверлили Поздеева. — В море-океане на острове есть дуб, под дубом сундук, в сундуке — заяц...

— В налоговой? — не выдержал Поздеев.

— Может и в налоговой. Нам все равно. Но чтобы исключили.

— Давайте лучше договоримся, — это была почти мольба, нервы у Поздеева не выдерживали. — Ведь понимаете же, полный абсурд. Я не директор.

Паук между тем словно больше стал ростом, глаза-буравчики выкатились из орбит, челюсти задергались, личико пошло пятнами, от возбуждения он замахал руками-клешнями и издал утробный малоприличный звук.

— Это вы мне — «договоримся?»

— Вам.

— Со мной еще никто не смог договориться.

Паук выпятил хилую грудь и сказал гордо:

— Думаете, у нас все коррумпированы? Все — сволочи? Да я жру таких, как вы. С потрохами. Я за державу болею.

— «Смотрите, не поперхнитесь», — хотел сказать Михаил Александрович, но промолчал. Нельзя было злить Паука. Да и не до того ему стало. Он вдруг почувствовал, что превращается в букашку, на глазах становится меньше. И, будто страшная машина, вроде поезда, наезжает на него...

Он не помнил, сколько это продолжалось. Сколько времени он пробыл букашкой. И что делал с ним паук. В голове шумело, во рту пересохло...

Но — и с Пауком что-то случилось. Не глядя на Поздеева, вмиг поседевший и съежившийся, он искал что-то в компьютере, шептал непонятные заклинания про себя; Михаилу Александровичу даже показалось, что

лысина Паука светится каким-то странным фосфоресцирующим светом. И — о, чудо! — Паук вдруг заговорил высоким, тонким, извиняющимся голосом:

— Ваши документы исчезли. Не может быть. Никогда не было... Приходите через две недели. И вот что: даю вам последний шанс. Если докажете, что вы не директор, то, так и быть...

Паук не объяснил, что «так и быть». Михаилу Александровичу следовало догадаться самому. Но сначала следовало разыскать реестр и добиться, чтобы его, то есть Поздеева М.А., из этого фатального реестра исключили.

Идти нужно было в налоговую инспекцию, хотя оттуда поступило отказное письмо. В письме отсылали в арбитражный суд, перечисляли сразу несколько статей, почему они не могут, однако Екатерина Филипповна утверждала, что ссылки неверные и что есть другие статьи, разрешающие и даже обязывающие налоговую инспекцию ликвидировать недействующую фирму, что все они могут, если захотят, только им всегда недосуг, и что отказ налоговой инспекции можно обжаловать в суде.

— Я понимаю, — говорила она, — вы не хотите подавать в суд. Муторно. Дорого. Долго. Давайте я напишу вам жалобу в Центральное налоговое управление, а заодно на вашего пристава его начальству. Чем больше будет у вас документов, бумаг, пусть даже отказных, тем больше аргументов в суде, если они когда-нибудь доведут до суда. Сами знаете, без бумажки...

Он согласился. И она написала. Письмо было длинное, скучное: перечень каких-то статей, нудных цитат из кодексов, а между ними все то же: что он пенсионер, а не директор и никогда директором не был, что ООО «Стройсервис» уже десять лет не существует, что баланс, который когда-то сдавала бухгалтер — липа, а деньги за квартиры никогда не поступали в кассу. Что он, Поздеев, был введен в заблуждение и купил фантом, хотел помочь дольщикам, но ни областной Институт, ни областное правительство деньги не вернули. И что если судебный пристав хочет действительно помочь дольщикам, он готов представить соответствующие документы.

Увы, письма-жалобы словно в воду канули: ни ответа, ни привета. Оставалось идти по новому кругу — в налоговую.

В налоговой инспекции Михаил Александрович долго не мог узнать, к кому обратиться. Телефоны не работали, охрана не пропускала, никто не хотел отвечать, да и не знали.

— Ходил тут один такой, горемыка, ходил... Долги у него. Коллекторы требовали. Несколько месяцев ходил. А потом не выдержал. Повесился. А больше никто, — женщина на приеме оказалась сердобольная, пообещала узнать и через несколько дней дала совет.

— Сходите к Виктору Борисовичу Бромлею. Завотделом у нас такой. Самый грамотный. И человек добрый. Может, поможет или посоветует что...

Несколько дней потребовалось Поздееву, чтобы попасть на прием. И то помог случай. Бромлей и в самом деле оказался человек грамотный и знающий, интеллигентный: лицо у него было доброе, спокойное, волосы и глаза светлые, галстук болтался на расстегнутом вороте, на запястьях сверкали бриллиантовые запонки. Но, главное, разговаривал хорошо.

— Я пришел вас просить, — начал Поздеев, — видите ли, дело в том, что с меня требуют несуществующий долг. Грозятся посадить, отдать под суд. Я никогда не брал деньги, нет, главное, я никогда не был директором, и фирма давно не существует, я случайно приобрел недействующую фирму, и вот не знаю как, я попал в реестр. Прошу вас: или закройте фирму, или меня хоть исключите из этого реестра. Я — абсолютно случайный человек. Никогда ни рубля не получил.

— А вы знаете, сколько таких фирм, бездействующих? — мягко спросил Бромлей. — Каждая вторая. И все в реестре. И у каждой свой директор. Мы не можем просто так исключать, закрывать. Нет такого закона. Да и сил у нас нет. Открыть фирму легко, а как закрыть не продумали. Процедура непростая. Должен арбитраж. Но и у арбитража нет возможности. Мы все задыхаемся. Колесо...

— Да что же здесь сложного? — удивился и одновременно возмутился Михаил Александрович. — Если фирма не платит налоги и не сдает отчетность, нужно закрывать.

— Да, нужно, — согласился Виктор Борисович. — Нужно. Но механизма нет. Ждем закона. — Он развел руками и мягко улыбнулся, как бы подчеркивая: «Да, знаем, стараемся, только нужно немного потерпеть».

«И долго вы ждать будете?» — подумал про себя Поздеев.

Бромлей словно прочел его мысли.

— Госдума уже приняла закон в первом чтении, — сказал он, по-прежнему блаженно улыбаясь. — К сожалению, пока не определено, кто будет заниматься ликвидацией.

— Но хоть меня вы исключите. Я же совершенно случайно...

— Случайно? — удивился Бромлей. — Вы, судя по возрасту, учились в советской школе. Изучали диалектику. Должны знать, что ничего случайного не бывает. Случайность — это кажущееся. На самом деле все закономерно.

— Но ведь надо что-то делать? — не выдержал Поздеев.

— Надо, — согласился Бромлей, продолжая улыбаться. — Только... Система не отработана. Закона нет.

— Я готов написать любое заявление, — настаивал Поздеев. — Давайте попробуем. Меня из-за этого могут посадить.

— Я вам сочувствую, — вежливо отвечал Бромлей, — но дело не в вас. У нас тысячи таких заявлений. Тысячи ошибок...

— Так неужели нельзя исправить хоть одну? — возопил Поздеев.

— Нельзя, вздохнул Бромлей. — Необходимо системное решение. Соответствующие инструкции. Процедура. Но хочу вас порадовать. Наверху, — он посмотрел на потолок, — обсуждается идея создания специального агентства, которое станет заниматься ликвидацией неработающих фирм.

«Меня это уже не спасет. Мне к тому времени будет все равно, — с горечью подумал Поздеев. — Система размножается почкованием».

#

Все, что происходило с ним после этого, Поздеев запомнил смутно. Вроде бы некоторое время он был еще здоров, только сильно переживал, и состояние было какое-то лихорадочное... Будто бы ходил к дознавателю, то есть к Пауку, подписывал «Предупреждение...». Писал письма и жалобы, надеялся на пощаду, стоял в очереди, храбрился... Иногда ему казалось, что все это чушь... ведь не было ничего... ни в чем он не был виноват. В другие моменты его вдруг охватывал страх... Суд... Он боялся суда...

Вся его жизнь разделилась на «до» и «после». До — много чего было. А после...

После был Паук. Кровосос...

Паук слегка приподнялся на стуле — Михаилу Александровичу показалось, что он вырос, больше стал с прошлого раза. Глазки у паука хищно блестели, злорадно, челюсти с острыми зубками непрерывно двигались: они то сжимались, то разжимались, как у настоящего насекомого. Миха-

ил Александрович закрыл глаза, однако паук не исчез, наоборот, он быстро стал расти, в несколько мгновений вымахав почти в человеческий рост, с уродливым чешуйчатым телом и отвратительными клешнями. Из паутинных железок-бородавок выделялась тончайшая, почти невидимая, но очень крепкая паутина — Поздеев видел ее, ощущал — паутина обволакивала его, залепляла глаза так, что он почти не различал ничего, забивала нос, рот, ему трудно становилось дышать. Поздеев пытался рвать паутину, но она снова и снова облепляла его — все больше, так что он терял силы, ноги и руки все хуже слушались его.

«Реестр, — подумал Поздеев. — Меня так и не исключили из реестра. Они не хотят закрывать фирму. Ее нет, она не существует, но в то же время есть, числится. Это неважно, что ее нет; важно, что числится...»

Он снова превратился в букашку, как в тот раз. Очень маленькую, с крыльшками...

— Не исключили и не исключат, — услышал Поздеев голос Паука. — Из реестра нет выхода, — перед Поздеевым снова был человек со злыми глазами, непропорционально развитыми челюстями и острыми зубками.

— Вашу фирму нельзя закрыть. Вы всегда будете за нее в ответе, — это было что-то вроде гипноза, голос Паука усыплял, расслаблял. Поздеев пытался бороться, разорвать паутину сна. Или бодрствования? Временами ему казалось, что он спит, но только временами, на самом деле он не мог определить спит или бодрствует, во сне или наяву все происходит с ним.

— Нас не разжалобите, — донесся до Михаила Александровича голос Паука. — Вот...

Паук вытащил из папки узкую полоску бумаги, на которой было напечатано: «ООО «Стройсервис». Генеральный директор М.А. Поздеев».

— Это филькина грамота, — возмутился Поздеев. — На ней даже печати нет.

— Печати? — повысил голос Паук, и Михаилу Александровичу снова показалось, что перед ним насекомое. — Я предупреждал, что буду вас жрать. С потрохами. Мы всех жрем. Это наша работа. Долг перед Родиной. Считайте, ваше дело уже в суде.

— Да что может сделать мне суд? Что? — закричал Поздеев. — Что может сделать ваш суд? Ваш лживый, коррумпированный суд? Ваши законы? Даже если пятьдесят человек запрут меня в темную комнату и будут бить, бить, бить, они ничего не выбьют, ничего, потому что нельзя выбить то, чего нет. Я

Богом клянусь: я не директор фирмы. И фирмы нет, она не существует. Почти десять лет не существует.

Он не мог потом вспомнить, так ли это происходило, во сне или наяву, и что он кричал — эти ли слова или другие? И был ли действительно паук? Михаил Александрович помнил только, что из кабинета его вынесли люди в белых халатах и что ему было очень плохо. Гипертонический криз. Говорили: инсульт. Только недели через две-три жена забрала его домой. Ему велели не волноваться, но он снова ждал вызова. По расчетам Поздеева, принести повестку должны были месяца через два. Но этот срок прошел, минул еще месяц, и еще один, а повестка не приходила. Поздеев стал думать, что дело затерялось — оно могло затеряться, потому что последнее, что он смутно помнил, были слова Паука: «А, черт, интернет не работает. Дело... Где его дело? Неужели сгорел диск? Все... синим пламенем». Но — были ли эти слова, проносил ли их Паук, или — сон? Бред?

Все могло быть. В суде могла быть долгая очередь. В тюрьму — тоже очередь? Нужно было узнать. Но Поздеев боялся узнавать. Боялся напомнить о себе. Размышляя, он вспомнил, что ему перекрыли выезд за границу. Он стал думать, что если дело закрыли, то и запрет должны были отменить. Когда ему стало лучше и он почти выздоровел — только провалы в памяти сохранялись — он решился и поехал в аэропорт Домодедово: узнать, состоит ли в черном списке. Но ему не хотели говорить. Сказали, что тут не справочное и что это вообще — гостайна, вот если бы у него был билет и он действительно хотел пересечь границу. Что санкции для того и нужны, чтобы внезапно...

Но Поздеев не сдавался и вскоре отыскал очень милую пограничницу, которая за пятьдесят долларов согласилась посмотреть. Оказалось, что — да, выезд ему запрещен. Опять же, Михаил Александрович не знал: возможно, дело его закрыли, но забыли снять запрет, а может, наоборот, дело затерялось и через некоторое время оно обнаружится и ему позвонят. Или придет повестка. Все было неясно. Но узнать он не мог, Михаилу Александровичу казалось, он даже был уверен, что стоит ему напомнить о себе — и бессмысленное это дело оживет, и с него снова потребуют пятьдесят тысяч долларов. И снова будут его мучить.

Это становилось наваждением...

...Машина, огромная, бесформенная, непонятная — она не была похожа на обыкновенную машину — вся состоявшая из сотен или тысяч странных ко-

лес, колесиков, шестеренок, шатунов и еще бог знает каких деталей, которым и названия-то не было, эта страшная машина наезжала на него, хотела раздавить, сдавливала голову, грудь, душила, что-то было в ней мрачное, ужасное, хотя Михаил Александрович не мог понять, что именно, — эта безумная машина постепенно увеличивалась, становилась все больше, все сильнее сдавливая его, так что он думал, что сейчас умрет; вдруг эта машина начинала терять свои очертания, превращалась во что-то неясное, блеклое и из этого непонятно чего выползал паук, обыкновенный, с маленьким туловищем, совсем маленькой лысой головкой и непропорционально огромными, длинными клешнями.

Среди этого полусна-полубреда Поздеев догадывался, что это и есть Паук, тот самый, что он хочет вернуться, что его «дело» лишь на время потерялось где-то среди шестеренок и колес и что однажды эта гигантская машина снова вынесет его на поверхность и что найдется новый судья, или пристав, или кто там еще — и что тогда все снова завертится, и от этого ему становилось очень страшно. Он хотел бежать, но не знал куда, и ноги его не слушались, а холодный, липкий страх, между тем, разливался все шире, охватывал все его тело. Он не понимал, как может разливаться, течь страх, словно он превращался в особенное вещество, но страх все больше охватывал его, рос.

Было только одно спасение от страха: открыть глаза. Так и в этот раз. Голова нещадно болела, мысли путались.

«Дурмашина», — понял Поздеев. Тотчас перед глазами возникли колеса и шестеренки. Они медленно, неуклюже, но неуклонно двигались по кругу. «По вечному кругу, тысячелетнему», — догадался Поздеев.

